

Деревня выглядела вымершей. Тишина стояла ненормальная, и это напрягло меня. Очень напрягло. Даже петухов не слышно! То ли съели всех, то ли они, несмотря на дружбу, сами попрыгали от греха подальше. За четыре года войны я привык к постоянному грохоту, и если он прекращался, значит, жди беды. Значит, фрицы что-то удумали!

Я опустил бинокль и задумался. Эта деревня и на деревню-то не похожа. Этакий городок в миниатюре, где маленькие домики идеально ровно выстроились вдоль дороги. Возле каждого дома палисадничек с оградкой высотой до колена, через жёрдочки которой перевешивается давно не косенная, сухая трава. Да и сами дома без присмотра, как оспой покрылись пятнами от обвалившейся краски. Некому следить за их внешним видом – война сказала. Невозможно от войны уберечься, отойти в сторонку и переждать. Везде она достанет и возьмёт своё, столько, сколько ей потребуется.

Название у деревушки странное – «Binnensee», или, если по-нашему – «Озеро». Странное в том смысле, что ближайший водоём, согласно карте, находился от неё в двадцати километрах. И то небольшая речка. Непонятно, причём тут озеро?

Но самыми необычными мне казались заасфальтированные улицы. Ладно бы одна такая деревня была. Нет же, много таких, кукольных и аккуратных. Не первый день на германской земле воюем, успел уже кое-что посмотреть и сравнить. Наши «мягкие» деревенские дороги явно проигрывали германским. Но я бы сейчас многое отдал за то, чтобы скинуть сапоги и босыми ногами ступить на разбухшую после дождя пашню. Почувствовать, как при каждом шаге между пальцев ног протикиваются жирные, чёрные червяки чернозёма...

– Почему вперёд не идём? Почему застряли здесь? – подошёл ко мне замполит батальона майор Рябов и, оглянувшись на укрывшихся за деревьями бойцов, повторил:

– Почему вперёд не идём? Ждём чего?

– Не нравится мне здесь, товарищ майор! Тихо уж больно...

– Да плавать я хотел на твою тишину, – выверился вдруг майор, – командуй взводу вперёд! Какого чёрта тебе ещё надо?!

Я посмотрел в узкое, покрывшееся красными пятнами лицо замполита и отвернулся, встретившись взглядом с блеснувшими под козырьком фуражки глазами.

Невозможно выдержать его взгляд – глаза мёртвые, тёмные провалы и всё, жизни ноль. Сам вроде психует, а глаза без эмоций. Я знал всех своих бойцов, с самого начала войны вместе. Многих ребят потерял, но уже с одного взгляда научился определять состояние человека и что от него ожидать. Что ждать от майора в его нынешнем состоянии, непонятно.

Срываться он начал год назад, когда сообщили, что его семья погибла под авиабомбой. Вся! Одним махом. Родители, жена, двое сыновей. Он стал нервным, психованным, часто повышал голос, и его руки стали заметно подрагивать. Он знал об этом и прятал их за спину.

– Подождём ещё, понаблюдаем, послушаем, – спокойно ответил я.

Мельком глянув в лицо замполиту, примиряющим тоном закончил:

– Ещё надо подождать, на всякий случай, а потом и зайдём. С двух сторон зайдём...

– И так видно, что немцев в деревне нет! – рыкнул майор и, зло сплюнув, сел на землю, привалившись спиной к дереву.

– В этой деревне все немцы, – пробормотал я и поднёс к глазам бинокль.

Замполит оказался привязанным к моему взводу случайно. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время. А может и наоборот, именно с нами он и должен был оказаться, кто знает?

Наш полк получил приказ окружить небольшой городок, в котором, по данным разведки, укрывлось полторы сотни фрицев, которые находились в состоянии, близком к панике и готовы сдать. Поэтому замполит и обходил вверенные его политической заботе подразделения.

Разведка опроверглась! Но, как я подозреваю, никто глубоко не копал. Не то это было место, чтобы тратить на него время и силы. Так, прошлишь поверхностно, обнаружили наличие войск и, решив, что одного полка будет более чем достаточно, откомандировали на зачистку. Немалую роль сыграло то, что война уже недолго как закончилась, и фрицы понимали, что обречены.

Получили мы тогда конкретное! Из города, прямо с улиц, по нам ударили из крупнокалиберных пушек, укрытых за дощатыми щитами. Смотрели издали – домик как домик, а потом щиты упали, и началось!.. А когда у них кончился боезапас, на прорыв, при поддержке нескольких «тигров», ломанулись хорошо вооружённые и не помышлявшие о капитуляции эсэсовцы.

Удар пришёлся в аккурат между позициями двух взводов и мне, чтобы сохранить людей, пришлось отвести взвод в сторону. Благо, что сразу после этого пришёл приказ – не пытаться фрицев удерживать, а выпустить из кольца и дать уйти. Мол, чёрт с ними, потом добьём, нигда они не денутся. Слава богу, научились уже людей беречь, не то что, помнится, в начале войны.

Фашистов оказалось на удивление много. Чем шире становился клин, тем дальше приходилось отводить взвод, в котором волею войны оказался и замполит батальона, прибывший с разъяснением текущей обстановки.

Время шло, всё спокойно, а засиживаться здесь не в наших интере-

сах. Но и обойти деревню стороной я не мог, а ну как в ней войска окажется? Ударят в тыл – беда будет! Откатились мы недалеко, километров на пять, не больше.

Пора! Аккуратно уложив бинокль в футляр, я оглянулся и, зная, что старшина обязательно где-то рядом, негромко позвал:

– Семашко!...

– Я, товарищ капитан! – высунулся из-за соседней сосны командир первого отделения и, оглянувшись, поправил сбившуюся на затылок пилотку.

– Вместе с отделением поступаем в распоряжение майора. Обойдётся посёлок лесом и пощупаете, что там с другой стороны. На рожон

Андрей ПУЧКОВ

Кровь и крапива

Рассказ

не лезьте, действуйте аккуратно и тихо, если что – сразу отходите!

– Ясно, товарищ капитан! – кивнул старшина и посмотрел на сидящего под деревом замполита. Тот, словно не слыша нашего разговора, отчётливо глядел перед собой и рвал траву. Захватывал пальцами несколько травинок, отрывал их и бросал, и так раз за разом – отрывал и бросал, отрывал и бросал.

– Товарищ майор! – повисил я голос. – Вы как, остаётесь со мной или с отделением идёте на обход деревни? Тот молча поднялся, отряхнул руки, одёрнул гимнастёрку, привычным движением поправил выдававшую виды фуражку с помятым козырьком, а потом сказал:

– С отделением, – и, не оглядываясь на потянувшихся следом бойцов, скорым шагом направился в лес.

– Приглядывай там за ним, – понизив голос, попросил я старшину, – не нравится мне его состояние, как бы чего ни натворил!

Старшина кивнул и, перебросив автомат с груди на спину, побежал за скрывшимся за деревьями замполитом.

Я посмотрел им вслед и вздохнул. Майор был смелым воином, в тылах не отсиживался, за спины солдат не прятался. Не один раз бойцов в атаку поднимал. Не зря же на его гимнастёрке красуются орден «Красной звезды» и медаль «За отвагу». Да и к бойцам он относится по-человечески. Даже свой командирский паёк сам не получал, распорядился, чтобы его сразу передавали в окопы.

Война уничтожает людей. Не только жизни забирает, но и выкидает души. Обугливаются людские души, перестают жизнь чувствовать. Умирают. Так посмотришь – вроде человек как человек: ест, пьёт, спит – всё как обычно. Приглядишься повнимательней – понимаешь, что выгорел человек, ушёл из нашей жизни, чужим стал.

Подождав ещё минут тридцать, я обернулся к бойцам и негромко скомандовал:

– Вперёд!

Мы уже минут сорок шерстили деревню. Заходили в каждый дом и осматривали его. Жителей на удивление было много! Но взрослых мужчин нет, только женщины, дети и старики. Они, как правило, собирались в одной комнате и с ужасом наблюдали за обыскивающими дом бойцами.

По всей вероятности, люди переместились сюда из городов. Спасался народ от боёв, пришедших с войной и уничтожавших всё на своём пути, не разбирая, казарма это, жилой дом, блиндаж или школа.

Время шло, и я всё сильнее убеждался, что кроме гражданских лиц в деревне никого нет. Бойцы расслабились, перестали осторожничать и уже спокойно, не опасаясь нападения, ходили по улицам. В результате чего и нарвались.

В тишине, одеялом накрывшей деревню, одиночный выстрел прозвучал резко и хлестко, как переломленная сухая ветка. Шедший впереди пожилой боец, которого называли по отчеству – Макарычем, схватился за плечо и резво сканулся в ближайший палисадник под прикрытием дома.

– В укрытие! Все с улиц! – заорал я и сиганул следом за Макарычем, который привалился спиной к стене дома и матерился, зажимая ладонью рану на левом плече.

– Гриша! Давай сюда, – позвал я молодого, прибывшего два месяца назад с последней пополнением бойца, – помоги перевязаться деду и оставайся пока с ним, а мы посмотрим, кто это нам решил так нагадить!

ИИ, обернувшись к бойцам, прижавшихся к стенам домов, приказал: – Никому не вылезать, пока со стрелком не разберёмся!

Осмотрелся и, заметив воевавшего со мной с самого начала ефрейтора Потапенко, сказал:

– Надо узнать, откуда этот гад бьёт.

– Не надо! Я успел заметить, – перебрившись ко мне поближе, усмехнулся ефрейтор.

Он выглянул из-за угла дома и, быстро отпрянув, удовлетворённо кивнул:

– Ну точно, с чердака лупит! С соседней улицы. В аккурат между двух домов ему дед и попался. Он, кстати, как дурак в чердачном окошке маячит... можно снять!

– Желательно бы живым взять. По возможности, конечно, – не согласился я. – Язык в нашем положении не помещается, а то ничего об окружающей обстановке не знаем! Но не геройствуйте там... чуть что, валите его к чертам!

Ефрейтор кивнул, прихватил трёх бойцов и, обойдя дом с другой стороны, скрылся во дворе.

Как только бойцы ушли, я надел на ствол автомата каску и высунул её за угол дома. Этого чёрта надо отвлечь, чтобы он занялся делом и не думал о собственных тылах.

Выстрел раздался почти сразу, но стрелок в каску не попал. Я спрятал патманку и через несколько секунд выдвинул её уже пониже. Выстрел. Опять мимо. Хотя в угол дома он всё же зарядил. Каску прятать не стал и, дождавшись очередного безрезультатного выстрела, выглянул уже сам.

Стрелок находился именно там, где и говорил ефрейтор. Он поидиотски высунул ствол винтовки

задать первый вопрос, как от калитки, ведущей во двор, раздался надрывный женский крик:

– Найн! Найн! – и через столпившихся во дворе бойцов к пацану начала пробиваться молодая женщина. Её задержали, и тогда она, захлебываясь слезами, что-то быстро заговорила, обращаясь почему-то к Макарычу.

– Семён, узнай, кто это и что ей здесь надо? – Это его мамаша, товарищ капитан, говорит, что он ещё маленький, не ведаёт, что творит, и что мы не можем убивать детей.

– Не вам, дамочка, указывать нам, что мы можем, а что не можем! – рявкнул я и спросил у Семёна. – Перевёл?

Дождавшись утвердительно-го кивка солдата, подошёл почти вплотную к немке и, уставившись ей в глаза, понизив голос, медленно проговорил:

– После того, что вы вытворяли на нашей земле, вам лучше помолчать! Женщина в ужасе усталилась на меня, зажала рот ладонями и часто-часто закивала, словно несущка над рассыпанным пшеном.

Когда я отвернулся, она сдавленным голосом быстро начала что-то полатать.

– Что она там? – спросил я и опять посмотрел на немку.

– Просит прощения за сына... ещё говорит, что согласна на всё, лишь бы мы не убивали её ребёнка.

– Это хорошо, конечно, что она прощения просит. Спроси-ка у него,

зачем он стрелял в наших солдат и даже ранил одного?

Семён спросил. Но мальчишка как воды в рот набрал и молчал до тех пор, пока женщина не начала ему что-то торопливо говорить. Я посмотрел на Семёна.

– Уговаривает, – пожал тот плечами, – просит сына не злить русских ещё больше.

То ли уговоры матери действовали, то ли немного успокоился, поняв, что его не убьют, пацан заговорил. Тихо, запинаясь, не поднимая головы, рассказал, что винтовку и патроны ему дал староста. Он же сказал, что если нас не остановит, то мы убьём всех, а маленьких детей съедим, так как все русские – звери.

Семён вдруг усмехнулся и, глянув на женщину, спросил, обращаясь к Макарычу:

– Ну что, дед, не проголодался случайно? А то он просит, чтобы мы не ели его младшую сестрёнку, которую он очень любит.

– Свят дух по земле! – выругался Макарыч и в сердцах сплюнул. – Это что же такое творится-то, товарищи дорогие? Да как же этикие страсти придумать-то можно? Как это назвать-то?! – и он, вытаращив глаза, уставился на опять перепугавшегося мальчишку.

– А это, Макарыч, называется фашистской пропагандой, – ответил я и спросил: – Что с этим хулиганом-то делать будем? Без наказания такие выкрутасы оставлять никак нельзя!

– Что делать, что делать... – пробормотал, успокаиваясь, Макарыч, – не стрелять же его в самом-то деле?! – И, повисив голос, предложил: – Портки вон спустить да по голому задку крапивою отходить! Чтобы непозовно было!.. Нас всегдета так уму-разуму учили.

Он осомтрелся и озабоченно добавил:

– Крапивка у них здесь, конечно, худосочная, с нашей ей никак не тягаться, но если уеючи, то и эта сойдёт. И, оглянувшись на бойцов, попросил: – Хлопцы, притащите-ка мне крапивы, звон, под забором, гляжу, росла.

Я пожал плечами. Это, конечно, не метод Макаренко, но через порку действительно лучше и быстрее доходит. И запоминается подольше. На собственной шкуре испытывал не раз! Не всегда взрослым был.

– Давайте, ребята! – разрешил я. – Раз пять по заднему месту крапивою пройдитесь да отдайте мамке. Кстати, Сёма, – спохватился я, – ты мамаше-то скажи, что мы её сына есть не собираемся, а то увидит, как с него штаны снимают, подумает невесть что.

Пацан взвизгнул, когда его подхватили несколько рук и, сдёрув штаны, положили животом на лавку. Макарыч решил наказать мальчишку сам. Поморщившись от боли в раненой руке, он неторопливо выбрал самые достойные, по его мнению, крапивины и со знанием дела примерившись, стегнул подростка по ягодцам первый раз. Сначала мальчишка ойкнул, а когда на коже проступила розовая, с каждой секундой наливающаяся малиновым цветом полоса, заверещал. Макарыч удовлетворённо крякнул и приложился крапивою к заднему месту пацана ещё раз. Потом горе-воин завывал, уже не переставая, пока Макарыч трудился над его задним местом под смехи бойцов, ведущих хором отсчёт.

– Ну вот и лады, – удовлетворённо выдохнул Макарыч и со словами: «Всё, проваливай отсюда!» – согнал ревущего мальчишку со скамейки.

Он шустро вскопил и, придерживая штаны обеими руками, посеменил к матери. Та, всплеснув руками, обняла его за плечи и, оглядываясь на нас, торопливо повела сына к калитке, по пути что-то выговаривая ему на ухо. Макарыч постоял, задумчиво глядя им вслед, а потом с удовольствием уселся на лавку сам.

С удобствами отдыхал он недолго. Едва за мамашей с сыном закрылась калитка, как вдалеке раздался автоматные очереди.

– В конце деревни стреляют! – сказал Потапенко и, подняв вверх указательный палец, прислушался. – А там как раз ихняя церковь находится. Я её, товарищ капитан, заприметил, когда мы с чердака этого детёныша выковыривали.

– Далеко до неё?

– Да не, недалече! Надо тока на другую улицу перебраться, – махнул рукой ефрейтор и, направившись в обход дома, крикнул: – Давайте за мной!

Через небольшой переулочк вышли на соседнюю улицу. Привычно прижимаясь к домам, пригнувшись, побежали в сторону не на шутку разгоравшейся стрельбы.

Кирха, обнесённая невысоким заборчиком, находилась на небольшой площади, к которой вели три улицы деревни.

Я уже видел её остроконечную верхушку, когда громыхнули два гранатных взрыва, и стрельба прекратилась.

– На площадь никому не высовываться! – приказал я, осторожно выглядывая из-за угла дома, стоящего напротив церкви.

Перед дверями кирхи полукругом лежали мешки, из которых через многочисленные пробоины тонкими струйками высыпался песок. За мешками находились мои бойцы, ушедшие с майором. Часть из них, осматриваясь, выглядывала из-за баррикады, а трое топтались возле дверей кирхи.

– Свои! Не стрелять! – заорал я и, подняв руки, вышел из-за дома.

двери, выпустил по замку длинную очередь из ППШ.

Взвизгнули отрискошетившие от металла пули, брызнула во все стороны щепка. Потапенко, перехватив поудобнее автомат, примерился и изо всех сил ударил в дверь ногой. Она распахнулась, и в глубине здания снова раздалась очередь, а следом ещё.

– Назад! – приказал я рванувшимся было вперёд бойцам. – Чёрт его знает, что у него на уме! Сам пойду поговорю!..

Изнутри кирха оказалась довольно просторной: лавки сдвинуты к стене, и всё освободившееся пространство занимали металлические кровати, между которыми валялись окровавленные простыни, одеяла, бинты и какие-то тряпки. Было видно, что помещение покидалось в спешке, и о соблюдении порядка никто не думал.

Я остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку и, услышав за спиной шаги, обернулся. С десятков бойцов во главе с Семашко стояли за моей спиной. Я махнул рукой: «Чёрт с вами, оставайтесь», – и медленно направился к стоящему возле кровати майору.

Сделал с десятков шагов, когда он неторопливо поднял автомат и прежде чем я успел закричать, выстрелил короткой, на несколько патронов, очередью.

– Майор! Отставить! Прекратить! – всё-таки заорал я и рванулся к замполиту.

Тот, не обращая на меня внимания, спокойно прицелился в лежащего на кровати человека и опять дал короткую очередь. Я остановился за его спиной и прошептал:

– Что же ты натворил, майор...

Замполит бросил автомат на пол, повернулся ко мне и засмеялся.

– Всё!.. Это был последний, – подойдя ко мне, сказал Семашко, – шестеро их было, лежачих, я успел сосчитать, прежде чем майор приказал выйти.

Замполит уже не смеялся, он стоял, подняв голову вверх, и улыбаясь. Губы его шевелились, будто он с кем-то разговаривал.

– Товарищ майор! – окликнул я его, но он меня и не заметил, он вообще никого не замечал. Мне показалось, что майор чего-то ждёт, выглядывая в высокий потолок кирхи.

Обойдя меня и Семашко, к замполиту подошёл Гриша и, подняв автомат, навёл его в грудь майору. То, что последует дальше, было ясно как день. Я мог его удержать, успел бы!.. Но не стал.

Дёрнулся, басовито рывнув очередью, автомат в руках бойца, и майор, сделав назад два маленьких шага, словно его сильно толкнули в грудь, раскинул руки и упал на спину. Он так и смотрел вверх, улыбаясь, когда подошёл Макарыч, кряхтя опустившись рядом на колени и, проведя ладонью по лицу, закрыл ему глаза.

– Зачем?... – посмотрел я на Гришу.

– Я видел, как убивают раненых!.. – хриплым шёпотом ответил парень. – Видел! Ещё тогда, в самом начале... Я помогал в госпитале. Фашисты шли вдоль кроватей и стреляли в раненых... шли и убивали... спокойно, не торопясь, как будто выполняли неинтересную работу. Я слышал их голоса, видел их лица. Фашисты... Они не должны жить... Я под кроватью спрятался... меня не увидели... Майор убил раненых... Он не должен жить.

Вот так вот. Что можно на это ответить?! Ничего!

Не я один не остановил парня. Бойцы его тоже не удерживали, хотя и видели, что он собирается сделать. Значит, они думают так же: «Фашисты убивают раненых. Если ты убил раненых, значит, стал таким же, как и они. Поэтому не должен ходить по этой земле».

Всё правильно. Логика простая и прямая, как штык. В ней нет места для закоулков, в которые можно забрести и, устроившись в удобном кресле, поговорить, порассуждать о бытие да поспорить о правых и виноватых. Штык – быстро и качественно всё расставляет по своим местам.

– Семашко! – посмотрел я на старшину. – С майора надо снять форму, тело вынесем за деревню и похороним в лесу. Форму, документы и планшет политрука сжечь. Да, ещё, чуть не забыл! – спохватился я, когда старшина с двумя бойцами направились к телу майора. – Убитого фрица подтащите к кроватям и положите рядом с ним автомат, из которого майор стрелял.

За кирхой сложили костёр из разломанных заборных штакетин, и я, присев рядом на корточки, наблюдал, как пламя жадно заглатывает вещи, когда-то принадлежавшие хорошему человеку. Смельому воину. Любящему мужу и отцу. Человеку, отдавшему этой войне всё! Даже собственную душу!..

– Товарищ капитан! Всё сделали. Получается так, что этот эсэсовец вроде как сам своих раненых перед смертью перебил. Можем выступить, – доложил старшина и, понизив голос, спросил: – Вы что-нибудь скажете перед выходом?

– Обязательно скажу, старшина, но не сейчас, позже.

Тело майора закопали в километре от деревни, в небольшом леске. Перед тем как двинуться дальше, я построил взвод и предложил почтить память погибшего от прямого попадания крупнокалиберной снаряда майора Рябова. Никому из бойцов ничего объяснять не надо – все всё понимали. Вернись политрук с нами, его бы расстреляли за то, что он сделал, и в памяти он остался бы убийцей беззачитных людей. Он понёс за это наказание и умер.

Я был уверен в своих бойцах, никто из них не проговорится, и майора будут помнить как воина, погибшего на поле боя. Светлая ему память!